

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОНТРОЛЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КОНТРОЛЕ В БЛИЗКИХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

*Шкурко Т. А.,
Ломова М. А.*

В статье приведены результаты исследования, в котором была выявлена гендерная специфика представлений о контроле партнера в близких эмоциональных отношениях мужчины и женщины. В работе обсуждается вопрос, являются ли обнаруженные различия следствием гендерных норм, содержащихся в гендерных схемах поведения и выражающихся в гендерном разделении социальных ролей, либо вытекают из специфики проявления базовых социальных потребностей у мужчин и женщин, являющихся одним из важнейших факторов социального поведения. В работе показано, что не глубинные социальные потребности предписывают мужчинам контролировать своего партнера, как следует из классической психоаналитической модели межличностных отношений, а гендерные схемы «мужского» и «женского» поведения, являющиеся социально и культурно обусловленными.

Ключевые слова: психоанализ, контроль, потребность в контроле, контролирующее поведение, контролирующая личность, отношения, близкие эмоциональные отношения, факторы отношений, гендерные схемы, гендерные ожидания.

Центральное место в психоаналитической концепции межличностных отношений [14] занимает идея о существовании трех базовых межличностных потребностей: потребности во включении, в контроле и в любви, способ удовлетворения которых складывается в раннем детстве и определяет в дальнейшем социальное поведение человека. Потребность в контроле представляет собой стремление контролировать свое окружение, принимать решения, брать на себя ответственность. На ее основе во взрослой жизни человека возникают уважение и ответственность. В результате удовлетворения / неудовлетворения / неадекватного удовлетворения потребности в контроле в раннем детстве ближайшим окружением человека у него формируются следующие типы поведения: абдикратическое (тенденция к подчинению, отказ от власти); автократическое (тенденция к доминированию, поиск власти); демократическое (гибкое поведение в сфере контроля).

Данная модель часто используется при анализе формирования и динамики близких эмоциональных отношений. Так, Л. Бурбо [1] рассматривает потребность в контроле как следствие травмы предательства в раннем детстве. В зрелом возрасте актуализация потребности в контроле является следствием нарушения доверительных отношений со значимыми другими, неоправданности надежд в сексуальной и любовной сферах, в результате воздействия партнера-манипулятора. Дж. Рейнуотер [7] рассматривает потребность в контроле над своим партнером как характеристику женщин, которые в детстве постоянно испытывали чувство ненадежности. В известной работе К. Хорни [9] показано, что чрезмерный контроль, так же как и его отсутствие, приводят к обеднению эмоциональной жизни человека, деформации его отношений с другими людьми, психозомоциональной дезадаптации. Проблематика контроля, контролирующего поведения ста-

новится центральной при анализе социально-психологических причин различных видов зависимостей – алкоголизации, наркомании, трудоголизма и т. п. Например, обнаруживается, что за многими зависимыми мужчинами стоит контролирующая женщина (мать, жена, дочь) [6]. Также интерес исследователей вызывает личность руководителей – мужчин и женщин, которым по роду своей деятельности приходится контролировать других людей. Переносят ли они свой опыт контроля других людей в сферу любовных / семейных отношений? В исследовании О. В. Котомановой [4] показано, что главным фактором успешной деятельности женщины-руководителя является самостоятельность мужа и детей. Таким образом, женщина-руководитель «снимает» с себя контролируемую роль в быту. Если же члены семьи не справляются без ее вмешательства, женщине приходится делать выбор между успешной карьерой и сохранением семьи.

Современные исследования факторов выбора партнерами друг друга, особенностей динамики их взаимоотношений [2, 3, 4, 5, 10, 11] показывают, что они обусловлены многочисленными биологическими, психологическими, территориально-пространственными, социо- и этнокультурными, социально-психологическими факторами, в том числе гендерными предписаниями, ожиданиями, схемами и стереотипами. Д. В. Воронцов подчеркивает, что «отличительными психологическими признаками “мужского” и “женского” поведения почти всегда оказываются не природные, а социальные качества личности: групповой статус и связанные с ним отношения власти (доминирование / подчинение), исполняемые социальные роли (материнство / отцовство), уровень и вид социальной активности (активность / пассивность; профессиональная деятельность / домашняя работа)» [2, с. 32].

Целью нашего исследования являлось выявление гендерной специфики представлений о контроле другого в партнерских отношениях. Нас интересовали гендерные особенности типов поведения в ситуации контроля; особенности оценивания контроля как фактора партнерских отношений; частота контроля партнера со стороны женщины и мужчины; гендерная специфика ситуаций, в которых

контроль другого приемлем в партнерских отношениях. Для решения поставленных эмпирических задач нами была разработана анкета «Представления о контроле другого в партнерских отношениях». Выборка исследования составила 76 человек, все – жители г. Ростова-на-Дону: 24 мужчины и 52 женщины, в возрасте от 18 до 68 лет. Обработка данных осуществлялась с помощью методов описательной статистики и контент-анализа.

В результате проведенного исследования были получены следующие результаты. Большинство мужчин (42 %) оценивают контроль в партнерских отношениях как положительное явление, в то время как большинство женщин (46 %) демонстрирует гибкую позицию, считая, что оценить контроль другого можно только в зависимости от ситуации. И мужчины, и женщины характеризовали контролируемую личность как властную, доминирующую, авторитарную, неуверенную в себе и лишенную доверия к другим людям. При анализе определений контроля, данных респондентами при ответе на вопрос «Контроль в отношениях мужчины и женщины – это...», были выделены 14 основных вариантов ответов: 1) норма в отношениях; 2) отсутствие доверия; 3) оберегание партнера, забота; 4) требование открытости от партнера; 5) диктаторство одного из партнеров, ограничение свободы другого; 6) плохая, отрицательная, лишняя черта отношений; 7) влияние партнеров друг на друга, составление договоров и их исполнение; 8) неизбежный фактор отношений; 9) результат болезненного опыта; 10) ревность; 11) путь к разрушению отношений; 12) отсутствие любви; 13) манипулирование другими; 14) самоконтроль. Наиболее частый вариант ответа у мужчин (29 %) – «контроль это норма», у женщин (33 %) – «отсутствие доверия к партнеру».

Большинство опрошенных участников исследования считает, что и мужчины, и женщины в равной степени склонны к контролю над своим партнером (так считают 67 % мужчин и 62 % женщин). При этом частота собственного контроля партнера, оцененная по шкале: «постоянно-часто-иногда-редко-никогда», различается у мужчин и женщин. Ответы большинства мужской выборки сосредоточены на степени интенсивности «часто-иногда»

(33 % / 33 % соответственно), большинство женской выборки отмечают интенсивность «иногда–редко» (35 % / 35 %). Крайние варианты, а именно «постоянно» и «никогда», одинаково редки и для женской, и для мужской выборок.

Перечень жизненных ситуаций, в которых респонденты контролируют своего партнера, представлен в следующих вариантах: 1) во всех; 2) в бытовых; 3) в общих покупках; 4) в совместной деятельности; 5) когда сомневаюсь в результате его поступков; 6) когда мы не вместе; 7) когда он уходит гулять с друзьями; 8) когда знаю, что больше осведомлен(-а) в каком-то вопросе; 9) когда он находится в обществе людей другого пола; 10) когда волнуюсь за него; 11) в личных контактах; 12) в денежных расходах; 13) когда есть основания для недоверия; 14) когда меня не устраивает его отношение ко мне. Большинство мужчин (21 %) склонны контролировать партнера в бытовых ситуациях; большинство женщин отмечают две основные ситуации контроля: ситуация волнения за партнера (21 %) и ситуация, когда существуют веские причины для недоверия (21 %).

Таким образом, в результате исследования была выявлена гендерная специфика представлений о контроле другого человека в близких эмоциональных отношениях между мужчиной и женщиной: 1) мужчины оценивают контроль в отношениях позитивно, женщины считают, что оценка этого явления в отношениях зависит от ситуации взаимодействия; 2) обнаружены различия в ситуациях контроля: мужчины контролируют женщину в разнообразных жизненно-бытовых ситуациях, женщины – в ситуации волнения за партнера и тогда, когда существуют веские причины для недоверия; 3) мужчины определяют контроль в партнерских отношениях как норму, женщины – как отсутствие доверия партнеру; 4) мужчины чаще контролируют своего партнера, чем женщины.

Возникает вопрос – являются ли обнаруженные различия следствием гендерных норм, содержащихся в гендерных схемах поведения и выражающихся в гендерном разделении социальных ролей [2], либо вытекают из специфики проявления базовых социальных потребностей, являющихся одним из важнейших факторов социального поведения человека [14]? Логичным было

бы предположить, что в основе выявленных в нашем исследовании различий оценок, сфер и интенсивности контроля в партнерских отношениях у мужчин и женщин лежит выраженность базовых социальных потребностей в контроле других и контроле со стороны других людей (в зависимости).

В исследованиях Т. А. Шкурко, посвященных разработке теоретической модели контролирующей личности и ее эмпирической проверке [12, 13], была предпринята попытка выявить значимые различия в выраженности потребности в контроле на уровне демонстрируемого (потребность контролировать других самому) и требуемого от других поведения (потребность в контроле со стороны других людей) у мужчин и женщин, и описать социально-психологический портрет контролирующей (-его) / зависимой (-ого) женщины (мужчины). В исследовании обнаружен парадоксальный, на первый взгляд, факт, а именно: между показателями выраженности потребности в контроле себя и других людей у мужчин и женщин нет значимых различий, при этом потребность в контроле со стороны других людей у мужчин выражена значимо сильнее, чем аналогичная потребность у женщин (ур. зн. = 0,006). Проведенное исследование позволило автору сделать следующие выводы: 1) между мужчинами и женщинами нет значимых различий в выраженности потребности в контроле других людей, которая проявляется в межличностном общении через принятие на себя ответственности: и у мужчин, и у женщин эта потребность выражена достаточно высоко; 2) для мужчин характерна обратная взаимосвязь показателей выраженности потребности в контроле на уровне выраженного и требуемого от других поведения: мужчины с экстремальной потребностью в контроле избегают контроля со стороны других, с выраженной потребностью в зависимости – избегают принятия решения и взятия на себя ответственности; 3) для женщин по сравнению с мужской выборкой более характерной является потребность в избегании контроля со стороны других людей; 4) когда мы говорим о личности с экстремально выраженной потребностью в зависимости, то мы говорим скорее о мужчине, а не о женщине.

Таким образом, можно заключить, что не глубинные социальные потребности предписывают мужчинам контролировать своего партнера, как следует из классической психоаналитической модели межличностных отношений В. Шутца, а гендерные схемы «мужского» и «женского» поведения, являющиеся социально и культурно обусловленными. Подобную интерпретацию,

при этом являющуюся исключительно психоаналитической, мы находим в знаменитой работе Сабины Шпильрейн 1912 года «Деструкция как причина становления»: анализируя психоаналитические представления о любви по мужскому и женскому типам, она пишет, что мужчина имеет «активную задачу завоевания женщины» [7, с. 16], женщина же – «должна завлечь мужчину» [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурбо Л. Пять травм, которые мешают быть самим собой. – Москва: София, 2013.
2. Воронцов Д. В. Гендерная психология общения. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008.
3. Зинченко Е. В. Самораскрытие и психическое здоровье личности // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2005. – № 7 (51). – С. 98–99.
4. Котоманова О. В. О равных правах и возможностях руководителей (мужчин и женщин) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – Вып. 5: Психология, социальная работа. – С. 130–134.
5. Макарова Н. Г. Половые и гендерные различия мужчин и женщин, особенности их изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: психология и педагогика. – 2007. – С. 40–43.
6. Норвуд Р. Надо ли быть рабой любви? – М.: Мирт, 1994.
7. Рейнуотер Дж. Это в ваших силах. Как стать собственным психотерапевтом. – М.: Прогресс, 1992.
8. Сабина Шпильрейн: над временем и судьбой: Сб. статей / Составитель Ф. Р. Филатов. – Ростов н/Д: Мини-Тайп, 2004.
9. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. – М.: Издательская группа «Прогресс»–«Универс», 1993.
10. Хоч Н. С., Шмена Н. А. Молодое поколение России: особенности гендерных трансформаций личности мужчин и женщин // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2005. – Выпуск 1. – С. 131–134.
11. Царикевич Н. В. Концепты «идеальный мужчина» и «идеальная женщина» в текстах русских и немецких брачных рекламных объявлений // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спец. выпуск по филологии. – Ростов н/Д. – 2006. – С. 87–92.
12. Шкурко Т. А. Контролирующая личность как объект социально-психологического исследования // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2003. – № 1. – С. 90–99.
13. Шкурко Т. А. Социально-психологические особенности личности с выраженной потребностью в контроле себя и других людей // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 349. – С. 177–184.
14. Schutz W. FIRO: A Three-Dimensional Theory of Interpersonal Behavior. – New York, 1958.